Дневник Веры

ОЛЬГА ЛУЧИНА

Ольга Лучина

Дневник Веры

«Автор»
2026

Лучина О.

Дневник Веры / О. Лучина — «Автор», 2026

Случайная находка — дневник юности — заставляет Веру вернуться к прошлому, от которого она долго старалась убегать. На этих страницах девушку ждет история любви, определившая ее жизнь и разбившая на осколки. Путь от романтических иллюзий — к жесткому миру взрослых потерь. И ей придется пройти его еще раз, чтобы понять, готова ли она отпустить то, что случилось двадцать лет назад.

© Лучина О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 12
Назад в будущее 18
Глава 3 20
Глава 4 26
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ольга Лучина
Дневник Веры

Пролог

Старый дом затаил дыхание. Будто бы он медленно, с тихим и протяжным стоном, выдохнул вместе со мной, когда я переступила его порог. Дом утратил ту хаотичную энергию, что рождается из мириад мелочей — едва уловимых и трепетных проявлений жизни. В этой пустоте застыл затхлый аромат, въевшийся в стены, пол и мебель. Казалось, дом обладал собственной памятью и не желал ничего забывать. Косые лучи заката рассекли застывший воздух. В нем от моих неловких шагов медленно взмывала пыль. Внутри дома все напоминало выцветший снимок из старого альбома, где контуры реальных дней расплылись, оставив лишь зыбкий отпечаток ушедших лет. Здесь уже больше полугода никто не жил.

Смерть мамы и еще одно расставание вынудили меня вновь отринуть прошлое. И я твердила себе, что это не бегство, а всего лишь попытка начать новую главу. Убеждала себя, что стенам этого дома, впитавшим столько смеха и слез, не стоит становиться темницей для души, которая отчаянно жаждет забвения. И решила, что половина маминых вещей переедет со мной в старую квартиру.

Поэтому оказалась в подвале ее дома, который она купила для себя, мечтая встретить в нем старость. Но внезапная болезнь не дала этому свершиться и рано забрала маму. Никогда не знаешь, в какой момент наступит твой час икс.

Для меня это место стало последним рубежом обороны, где минувшее отчаянно цеплялось за зыбкую почву настоящего, не желая отпускать свою пленницу.

Крошечное окно в подвале, затянутое паутиной и грязью, напоминало экран старого телевизора, сквозь который с трудом пробивался угасающий свет осеннего дня. Он ложился неровным пятном, словно луч прожектора на пустой сцене. И выхватывал из сгущающегося мрака силуэты забытых свидетелей иной жизни. Эдакие хрупкие сокровища прошлого, которые часто прячутся в подобных местах.

Мой взгляд остановился на небольшом потертом чемоданчике. Я сразу его узнала. Он был сшит из кожи, которая когда-то, должно быть, имела теплый шоколадный оттенок, а сейчас поблекла и пошла трещинами. Этот «тайник» сопровождал меня с самого детства — единственная вещь, оставшаяся от дедушки. В нем хранилось все, что в разные моменты моей жизни казалось важным. Но когда-то я перестала пользоваться им по назначению, потому что…

Впрочем, неважно. Однажды я просто отдала его маме. А она оставила чемоданчик здесь среди полок с овощными и ягодными закрутками. Будто надеялась, что когда-нибудь он мне все-таки понадобится. Потому положила на видное место, хоть и в подвале.

Я подошла ближе и, не раздумывая, открыла его. Внутри, поверх хаотичной груды пожелтевших конвертов с засушенными листьями и стопки поздравительных открыток, покоилась та самая обыкновенная школьная тетрадь. В блеклой бежевой клеенчатой обложке на пружине, с веточкой на обложке. Но для меня она была чем-то вроде сейфа, в котором хранился драгоценный и хрупкий клад — осколки моей собственной души. Сердце, до этого бившееся ровно и едва слышно, внезапно сорвалось на тревожную, гулкую дробь.

«Мой дневник», — сообщила первая страница. Эти слова были выведены моим неуверенным и угловатым почерком.

Я опустилась на прохладный каменный пол, прислонившись спиной к шершавой бетонной стене. За окном догорал день, заливая подвал багряными и золотыми оттенками. И окрашивали пыль в цвет янтаря. Пальцы сами нашли нужную страницу.

Чернила, когда-то ярко-синие, выцвели и слегка расплылись. Но слова будто остались живыми. Они кричали от восторга, смеялись до слез и шептали свои тайны. И принадлежали, казалось, другой девушке — той, что не знала, какие тучи сгустятся над ее горизонтом и бури, что перевернут хрупкий мир.

«6 ноября, 2004 год…» — гласил заголовок одной из записей в дневнике.

Я крепко зажмурилась, позволяя волне ностальгии накрыть меня с головой и увлечь за собой — прочь из настоящего. Поздняя осень две тысячи четвертого. Воздух, пахнущий прелыми листьями. Резкий скрип велосипедных тормозов. И это головокружительное, сладкое чувство полного безумия. Воспоминания вернулись ослепительной вспышкой.

Я собиралась начать все с чистого листа. Отчаянно этого хотела. Но судьба, явившаяся в облике дедушкиного чемодана и старого дневника, с безжалостной иронией подсунула мне самую важную главу моей собственной истории.

Похоже, мне предстояло перечитать эту историю. Найти тот роковой изгиб сюжета, где все покатилось под откос. Или, напротив, убедиться, что каждый миг, слово и чувство неизбежно вели в эту точку — так, как и было предначертано. И хотя бы на мгновение услышать далекое, но ясное эхо прошлого — того, что ухватилось за меня мертвой хваткой и больше не желало отпускать. Одна слеза скатилась по щеке, затем вторая, оставляя влажные следы на коже.

Глава 1

Ноябрь в Северной столице — это особенная меланхоличная симфония. Вокруг все пахло горьковатой свежестью мокрого асфальта, который никогда не успевал просохнуть. А еще неизменно нес в себе эфемерное, ускользающее обещание чего-то грандиозного и нового.

Для Веры Соколовой, четверокурсницы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, это обещание ежедневно разбивалось об утомительную реальность. Она жила семинарами и лекциями по старославянскому и вечной необходимостью подрабатывать, чтобы не обременять маму и хоть как-то обеспечивать себя. Потому по выходным Вера проверяла тетради по русскому языку одной вечерней школы.

В эту субботу, одной из серых петербургских, девушка мчалась по Университетской набережной, пытаясь не опоздать на пару. В одной руке сжимала новенький томик Пелевина, купленный в «Буквоеде». В другой, наперевес с женской сумкой, теплый стаканчик кофе «с собой», который служил топливом для измученного мозга. И время от времени Вера поправляла любимые красный берет и шарф, которые связала ей мама.

В дешевых проводных наушниках, плотно вставленных в уши, ее старый плеер проигрывал песню «Зверей» «До скорой встречи», заглушая рев города. Но даже это было бессильно перед ее внутренней тревогой — постоянной спутницей любого студента: времени всегда катастрофически мало, денег не хватает, знаний недостаточно, а страх отчисления из-за любой ошибки не отступает.

Именно в этом состоянии спешки случилось непредвиденное. Прямо из тумана, что всегда висит над набережной, вынырнуло что-то темное и стремительное, как мгновенный мираж. Вера, пошатнувшись, от неожиданности попыталась отпрыгнуть назад, но запуталась в ногах. Случился до слез неловкий пируэт: из рук выскользнули и Пелевин и стаканчик. Густая бежевая жидкость с молоком и сахаром веером расплескалась по ее новому светлому пальто. Купленное на первые честно заработанные деньги с проверки тетрадей и потому имевшее для нее большую ценность.

— Да блин! — вырвалось у Веры.

Незнакомец резко затормозил, а затем спрыгнул с велосипеда. Неизвестный оказался молодым человеком, на вид лет двадцати, высокий, с короткими черными волосами. Длинные, худые ноги в джинсах, протертых на коленях, темно-синяя куртка нараспашку и серая футболка с выцветшим принтом «КиШ». Лицо — угловатое, с острыми скулами и квадратным подбородком. А взгляд насмешливый, чуть прищуренный. Парень не был классическим красавцем, как подметила для себя Вера, но имел тот редкий тип внешности, который запоминается надолго.

— Прости, — произнес наконец незнакомец. Его голос был низким, немного хриплым.

Парень поднял промокший томик Пелевина, небрежно отряхнул страницы и, заметив название, усмехнулся.

— «Священная книга оборотня»? Серьезно? — он покачал головой, цокая. — Это же постмодерн в действии.

— Рада, что ты читал. Отдай! — Вера выхватила книгу, ощущая, как ее лицо вспыхивает румянцем. — Еще скажи, что это я во всем виновата.

— Виноваты обстоятельства, — сказал он философски, пробежавшись по Вере оценивающим взглядом, от которого та невольно почувствовала себя героиней романа, впервые представленной читателю. — Ты витала в своих облаках, — он указал на ее ухо, — А я — в моих. Столкновение наших миров было неизбежно.

Вера не заметила, что от резких движений один наушник выпал и безвольно повис на плече. Незнакомец говорил без заискивания и вежливых извинений. Вел себя так, будто они

оба — Вера Соколова и он — были двумя ключевыми персонажами какого-то абсурдного, но захватывающего спектакля, поставленного в осенних декорациях Петербурга.

— Александр, — произнес он, протягивая ладонь.

На ней лежала белая визитка: «Александр Н.», и ниже — мобильный номер. Ни фамилии, ни профессии, ни адресов. Загадка на маленьком картоне.

— Вера, — пробормотала она, нехотя беря карточку, и зачем-то добавила: — Филфак.

А после небольшой паузы с обидой сказала:

— Ты испортил мне пальто, которое теперь нужно как-то отстирать.

— Пальто отмоется, Вера. А впечатление останется, — Александр едва заметно прищурился и усмехнулся.

Его взгляд скользнул по ее лицу, задержался на глазах. Это вызвало у девушки острое чувство смущения и внезапной настороженности.

— Я возмещу ущерб. Сегодня вечером. У «Книг и кофе» на Грибоедова. В семь.

Затем резко вскочил на велосипед и растворился в серой дымке, оставив Веру с мокрым пальто, испачканной обложкой и загадочной визиткой.

На лекцию Вера, конечно, не попала. Тревога сменилась навязчивой идеей вернуться в общежитие на Васильевском, чтобы спасти дорогую вещь. А преподаватель простит, ведь она еще с прошлого года была у него на хорошем счету.

***

Комната Веры, номер триста пятнадцать, находилась на третьем этаже общежития, рассчитанная на троих. Само здание было переполненным. И буквально впитало в себя чужие жизни и запахи: вареная гречка, жареная рыба, дешевый порошок и сигаретный дым.

В той самой комнате витала своя атмосфера. Соседки — Настя и Света — сидели на койках, уткнувшись в конспекты. Они разделяли стремление Веры быть прилежными студентками, а потому брали с нее пример и в выходные готовились к грядущим семинарам.

Настя, будущая экономист, прагматичная и скептичная, подняла голову:

— Вера! Ты чего так рано? Вроде же пошла на Старославянский. — Она уставилась на пальто. — Что с тобой стряслось?

Света, историк и вечный романтик, вскочила, отложив тетрадь, заметив растерянность Веры.

— Ох, Верка, кто это сделал? Это же твое новое… Тут наверняка какая-то интересная история. Рассказывай! Ой! Надеюсь, на тебя не напали…

Настя фыркнула, не отрываясь от конспектов.

— Забудь, Свет. Она нам опять ничего не говорит. Как начала подрабатывать, так и молчком с нами, — и махнула рукой в сторону своей тумбочки. — Вон, возьми мой таз, застирай пятно водой с уксусом, пока окончательно не впиталось.

— Да чего там рассказывать, — с досадой ответила Вера, поняв, что действительно стала меньше общаться с соседками. Хотя еще полгода назад они делились всем подряд. — Столкнулась с одним идиотом и разлила кофе на себя. Вот и вся история.

Она вытащила визитку из кармана и зажала в руке. Затем сняла пальто и бросила в таз, набирая горячую воду в раковине их крошечной кухоньки. Движения Веры были нервными. Она хотела избежать темы таинственного Александра на велосипеде, но Настя приметила ее молчание.

— Секундочку. «Идиот»? — Настя подошла к соседке, прищурилась и ткнула пальцем в ее руку. — Ты там что-то прячешь.

Вера сжала руку в кулак. Но было уже поздно — соседки в один голос потребовали доказательств. Она вздохнула и разжала пальцы, показывая визитку. А потом все-таки рассказала всю историю столкновения.

— Это он оставил. Сказал, что возместит ущерб, — проговорила Вера и передала карточку соседкам.

Света ахнула:.

— «Александр Н.» и номер. Загадка, Вера! Он тебя очаровал, признайся.

— Очаровал? — отрезала Вера. — Он обозвал книгу Пелевина «постмодерном» и вел себя так, будто мы персонажи спектакля. Самонадеянный и невоспитанный.

Настя, посмотрев на номер в карточке, покачала головой.

— А я думаю, он просто хитрый. Сразу назначил место и время. «Книги и кофе» — уже заявка на интеллект. Там же собираются все сливки литературной тусовки.

Обе посмотрели на Веру так, будто требовали: «Не смей упустить эту историю!» В их мирах, где романтика была роскошью, этот «Александр Н.» выглядел как «тот самый» сюжет.

Вера буркнула соседкам: «Подумаю». А потом убрала визитку в карман джинсов и вернулась к тазу с пальто. Она пыталась отстирать пятно, но на самом деле отчаянно старалась стереть из памяти образ незнакомца. Рассудок, воспитанный на классике и здравом смысле, кричал, что с такими людьми из «тумана» шутки плохи. Но где-то глубоко шептал другой голос: «А что, если это и есть та самая настоящая история? Тебе не надоело быть просто Верой Соколовой из комнаты триста пятнадцать, с жизнью, расписанной по минутам?» И, в конечном итоге, этот шепот оказался сильнее доводов разума.

***

Ровно в семь вечера Вера стояла под холодным светом фонаря у витрины «Книг и кофе». Она нервно теребила ремешок сумки, осознавая: это не свидание, а смелый прыжок в неизвестность. И это, возможно, окажется намного запутаннее самых замысловатых романов. Но все же любопытство взяло верх. На самом деле она шла за ответами не только от Александра, но и от себя самой.

Он появился так же внезапно, как и в первый раз, однако уже пешком и выйдя из-за угла здания. Руки держал в карманах джинсов и был в той же черной куртке, но теперь застегнутой. А за плечами висел рюкзак. В свете фонаря в глазах Александра заблестели зеленоватые искорки.

— Привет, Вера с филфака. Я был уверен, что ты такое не пропустишь, — улыбнулся он. — Пойдем, но не в помещение. Кофе, конечно, здесь приличный, но вид лучше в другом месте.

Он снова не спросил, а просто повел. И Вера, к собственному удивлению, послушно последовала.

Они свернули с канала Грибоедова и через несколько минут оказались в одном из тех дворов-колодцев, спрятанных за арками: пустом и освещенном лишь одиноким фонарем. В углу, у стены дома, стояла старая деревянная лавка. Александр достал из рюкзака термос и пригласил присесть.

— Глинтвейн, — пояснил он, наливая густую ароматную жидкость в крышку. И протянул Вере. — Собственного приготовления. Холодно уже. Бери, не бойся. Это не отрава.

Она осторожно взяла импровизированный стакан. Их пальцы чуть соприкоснулись. И сердцебиение девушки сразу участилось.

Они несколько минут сидели на лавке, в тишине двора, и пили глинтвейн с корицей и апельсином. Вере понравился терпкий и цитрусовый вкус.

— Так кто ты, «Александр Н.»? — спросила она. — Студент-архитектор? Поэт? Антиквар? Философ?

Он тихо рассмеялся. Его смех напомнил мультяшный и скрипичный звук.

— Политолог, — ответил он, глядя на пар над термосом. — Будущий, если доучиться. А Н. это фамилия, Никитин. Не стал писать полностью, уж слишком официально.

— Политолог? — она не скрыла удивления. — Непохож ты на тех в галстуках и с дипломатами.

— Разочарована, — хмыкнул он. — Да, я не из них. Я больше по части волшебников. Смотри. — Он достал из рюкзака фотоаппарат, быстро щелкнул со вспышкой. Затем указал на штукатурку стены, где фонарь выхватывал облупившийся рельеф. — Видишь тень от карниза, там ветка. Получается профиль спящей кошки. Недавно приметил. Уже который вечер появляется. А никто, кроме нас, такое и не заметит. Людям обычно все равно.

Вера всмотрелась и улыбнулась: в очертаниях действительно угадывался силуэт животного. Похоже, Александр умел превращать обыденность в игру.

— Так вот зачем тебе визитка. Ты фотограф, получается? — догадалась она.

— Виновен. Периодически подрабатываю. Хотя начиналось как хобби. А ты? — спросил он и повернул колени в сторону Веры, коснувшись ее ног.

И она рассказала. Сначала про проверку школьных тетрадей, а потом вдруг поделилась тем, о чем знала только мама. Что хотела создавать тексты, похожие на этот вечер — теплые и оставляющие след. И иногда чувствовала себя призраком в собственном городе, видящим всех, но при этом невидимым для других. Поэтому создала небольшой блог на ЖЖ, где делилась разными мыслями. Но маму не интересовала ее деятельность, кроме самой учебы и подработки, поскольку та считала такого рода увлечения несерьезным занятием.

— Ты не призрак, — тихо произнес он со всей серьезностью. — Они вот так не горят изнутри. И не краснеют, когда злятся. А ты сейчас выдала настоящий спектр эмоций.

Он сказал это так по-простому, словно снял с нее невидимые оковы. Мысленно Вера ликовала, что кто-то наконец ее понимает. И затем Александр добавил:

— Знаешь, мне это знакомо. У меня точно так же с фотографиями: вижу этот мир, но чувствую себя в нем чужим. И с родителями: они, как и твоя мама, не одобряют то, чем я занимаюсь помимо учебы. Но я все равно продолжу это делать.

Сердце Веры екнуло. Она почувствовала с ним некую близость. В этот момент ей захотелось прижаться к нему и положить голову на плечо. Но посчитала это слишком легкомысленным и поэтому произнесла:

— Иногда людей объединяют такие вещи. Как у нас с тобой. И им становится радостно оттого, что есть еще один такой же, как и я.

— Согласен, — улыбнулся парень. — И я бы хотел найти больше подобных сходств в нашем случае. А ты?

Лицо девушки зарделось, и она смущенно ответила:

— Я тоже.

Они выяснили, что, оказывается, учатся в одном университете. А затем обсудили разные фильмы, которые недавно посмотрели: «Соучастник», «Александр» и «Терминал». А потом внезапно заговорили о новом альбоме «Ленинграда». И еще о том, что у всех теперь были мобильные, но звонить было некому. В этот момент парень попросил ее номер. Веру это позабавило, и она с радостью им поделилась.

Когда глинтвейн закончился и холод уже пробрался под одежду Веры, Александр, будто почувствовав, встал и уверенно сказал:

— Пора домой. Пойдем, провожу тебя до метро.

Они зашагали по опустевшим улицам, иногда разговаривая о погоде и о запахе питерских подъездов. Он не держал ее за руку, как хотелось Вере, но шел так близко, что рукава их курток соприкасались.

— До завтра, Вера, — произнес Александр, перед входом в подземку.

— Завтра? И что же будет?

— Я напишу тебе. И открою одну дверь, — загадочно ответил он, быстро поцеловав ее в щеку. А затем развернулся и ушел не оглядываясь.

Вера даже не успела уточнить. Она молча стояла, провожая его взглядом. И все еще ощущала на пальцах тепло от термоса и вкус глинтвейна на губах. Девушка ясно поняла: какая-

то неведомая сила, имя которой звучало как «Александр Никитин», взяла штурвал в свои руки. А осознание этого привело ее в трепет.

Глава 2

Утро началось с запаха поджаренного хлеба и слишком крепкого растворимого кофе. Комната триста пятнадцать в общежитии на Васильевском была залита блеклым ноябрьским светом — таким, от которого лица казались уставшими даже у соседок Веры. Хотя те спали гораздо крепче и дольше, чем она. Вчерашний вечер так впечатлил ее, что Вера практически не сомкнула глаз.

Света сидела за столом, поджав под себя ногу, и листала журнал. Уже несколько минут она не переворачивала страницу. Но делала вид, что полностью поглощена чтением. Настя, как обычно, устроилась у окна — с чашкой чая и выражением уверенности человека, который все понял еще до начала разговора. Вера старалась есть медленно и не смотреть ни на одну из них.

— Ну? — первой не выдержала Света, с шумом захлопнув журнал. — Долго ты еще будешь делать вид, что вчера просто поздно легла?

Вера пожала плечами, не поднимая глаз.

— А что, нельзя?

Настя усмехнулась и поставила чашку на подоконник.

— У тебя же на лице все написано. А там надпись прям кричит: «Что-то случилось!».

Вера нахмурилась и уткнулась взглядом в тарелку.

— У каждого так бывает.

— Не у всех глаза так блестят с утра, — Света наклонилась через стол. — Ну, расскажи!

Вера вздохнула. Внутри свербело странное, некое суеверное ощущение: стоит произнести историю вслух — и, как что-то хрупкое, она тут же рассыплется. Но и прятаться дальше было бессмысленно. Ей еще минимум полтора года нужно жить с ними в одной комнате — делить пространство, нервы, радости и разочарования.

— Мы просто погуляли и довольно много говорили. Ничего такого, — кратко рассказала девушка.

Настя приподняла бровь.

— «Просто» — это когда возвращаются злыми или равнодушными. А у тебя ни то ни другое.

— Он симпатичный? — тут же спросила Света, будто следуя внутреннему списку.

— Это вообще важно? — Вера подняла глаза.

— Всегда, — честно ответила Света.

Вера помолчала, а потом добавила:

— По крайней мере, он приятный. И, кстати, подрабатывает фотографом. А так учится на политолога.

— Ого! Как романтично! Фотограф, — мечтательно произнесла Света.

— А вот это мне уже не нравится, — буркнула Настя, делая глоток чая. — Студент, хоть и политолог, но фотограф. И эти таинственные прогулки… Куда он тебя повел?

— Недалеко от канала Грибоедова, — осторожно сказала Вера. — Во дворе сидели, пили глинтвейн и разговаривали.

— Без кафе? — Света выглядела разочарованной.

— Это понятно. Откуда у него столько денег? А назначил там встречу, чтобы выпендриться, сто процентов, — недовольно буркнула Настя, смачно отхлебнув чай.

Вера резко отложила вилку.

— Он ничего не изображал.

Настя посмотрела на нее внимательнее, почти испытующе.

— Вчера утром ты говорила другое.

Вера открыла рот — и тут же закрыла. Потом тихо сказала:

— Первое впечатление было обманчивым. С ним я ощутила спокойствие и свободу. Не нужно думать, что говорить и стараться понравиться.

Настя вздохнула:

— Это опасное состояние.

— Скорее настоящее, — мягко поправила Света.

В кухне повисла пауза. За окном хлопнула дверь подъезда, где-то за стеной включили радио.

— Ты будешь с ним еще встречаться? — серьезно спросила Настя.

— Да, — Вера в этом не сомневалась. Ей было любопытно узнать, что будет дальше.

Света улыбнулась — тепло и искренне.

— Тогда все ясно.

Настя пожала плечами.

— Только не теряй голову.

Вера хотела ответить, что все под контролем, ведь она взрослая и разумная, но в этот момент телефон, лежавший экраном вниз рядом с тарелкой, завибрировал. Девушка перевернула его — и сердце тут же неловко дернулось. Там было сообщение от Александра: «Привет. Сегодня вечером встретимся так же, как вчера. Но в этот раз я тебе покажу и открою одну дверь, как и говорил».

Она перечитала сообщение дважды. Потом еще раз.

— Это он? — Света все мгновенно поняла.

Вера кивнула. Настя посмотрела на телефон, потом на нее.

— По глазам видно — ты уже там.

Вера сама не заметила, как улыбнулась.

— Надо идти.

— Уже? — удивилась Света.

— Нет, — сказала Вера, вставая из-за стола. — Мы вечером встретимся. А пока надо поработать.

Оставшееся утро и весь обед Вера проверяла школьные тетради, чтобы отдать их завтра перед парами Елене Сергеевне, заведующей кафедры. Еще год назад девушка договорилась с ней об этой подработке и получала по пятьсот рублей в месяц, не считая летнего периода.

Когда она закончила, то была уже одна в комнате: соседки ушли по своим делам. Наскоро приготовив пельменей, Вера быстро поела и решила, что нужно потихоньку собираться на встречу. В комнате она долго стояла перед шкафом, перебирая вещи. Ничего нарочитого. И выбрала самое простое — будто это имело значение.

Когда Вера вышла из дома, ноябрьский воздух был холодным и резким. Но у нее внутри поселилось странное тепло. Она шла по знакомым улицам и вдруг поймала себя на мысли, что все-таки идет не к человеку, а навстречу тайне.

***

«Дверь» оказалась тяжелым, почерневшим от времени дубовым полотном в одной из арок на Фонтанке, скрытой от посторонних глаз разросшимся плющом. Ни таблички, ни звонка — только выцветший контур короны, вырезанный над замочной скважиной, будто старая метка, оставшаяся от прежних хозяев.

Александр достал из кармана массивный старинный ключ. В свете фонаря Вера успела разглядеть замысловатую резьбу на его рукояти: переплетенные змеи, кусающие собственные хвосты.

— Не бойся, — сказал он, заметив ее напряжение. И уверенно сжал холодный металл. — Здесь нет призраков. Только книги.

Ключ с глухим щелчком повернулся в замке. Скрип тяжелой двери нарушил вечернюю тишину переулка. Они вошли в узкий коридор, и Александр нажал на выключатель. Маленькое

помещение осветила желтая лампочка. В воздухе витал запах старого дерева, воска, бумаги и чего-то едва уловимо сладкого — словно засохших лепестков цветов. Стены были такими же старыми, как и сама дверь: штукатурка местами осыпалась, обнажая кирпич. В конце коридора виднелась еще одна дверь, менее внушительная. Александр толкнул ее плечом. Вера замерла на пороге.

Это был старый книжный магазин — но совсем не похожий на привычные. Здесь не было ни яркого света, ни аккуратного порядка. Книги стояли на высоких стеллажах, уходивших в полумрак под потолок, лежали на полу, образуя неустойчивые башни, громоздились на широких подоконниках и на крышке старого пианино в углу. Свет настольных ламп с зелеными абажурами ложился теплыми пятнами на потертый дубовый паркет, и тени от корешков медленно скользили по полу.

— Саша… Это чье? — тихо спросила Вера, боясь говорить громче.

— Мое, — ответил Александр, снимая куртку и вешая ее на спинку винтажного стула. — Точнее, моего покойного дяди. Он уехал в Европу еще в девяностые и оставил все отцу. Я иногда захожу сюда. Когда нужно подумать. Или просто побыть одному. Кстати, лучше зови меня Алексом, мне так привычнее.

Вера кивнула и медленно пошла между стопками книг, проводя пальцами по корешкам. Чувствовалась разная фактура: ткань, кожа и потрескавшийся ледерин. Энциклопедии Брокгауза и Ефрона соседствовали с тонкими сборниками современной поэзии, а советская фантастика с трудами по античной философии. Детективы Хэммета лежали рядом с томиками Ахматовой.

— Здесь совсем нет порядка? — спросила она, остановившись возле стопки фолиантов.

Алекс усмехнулся.

— Есть. Просто неочевидный. Здесь многое находится случайно. Но именно в этом весь смысл.

Он подошел к пианино, откинул крышку и осторожно тронул клавиши. Инструмент оказался расстроенным, поэтому звучание было с хрипотцой. Алекс наиграл несколько минорных тактов и закрыл инструмент.

— Ты играешь?

— Немного, — он пожал плечами. — Инструменту полезно, когда его трогают. Как и книгам.

Затем он подвел Веру к маленькому дивану, почти полностью заваленному книгами, и они уселись рядом. Парень сидел так близко, что Вера чувствовала его тепло и сложный запах — бумаги, осеннего воздуха и чего-то древесного, принадлежащего только Алексу.

— Сейчас кое-что покажу, — он потянулся к полке прямо над их головами, и достал небольшой томик в потертом, некогда темно-синем переплете. Это были «Стихи о Прекрасной Даме» Блока. — Первое издание. Не самое редкое, но все же особенное. Здесь, на полях, кто-то оставил пометки. Карандашом, очень аккуратно. Смотри.

Вера взяла книгу, ощутив под пальцами шершавость старой бумаги. На полях, рядом со строками «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...», чьим-то изящным почерком было выведено: «5 мая 1913. Сегодня видел ее в Летнем саду. Я совершенно пропал».

У Веры перехватило дыхание. Чья-то давно прошедшая любовь вдруг стала близкой и настоящей. Девушка подняла глаза и поймала взгляд Алекса. Он смотрел на нее так внимательно, без улыбки, будто запоминал каждую черту лица.

— Иногда думаешь, — произнес он тихо, — что такие вещи никуда не исчезают. Просто остаются между страницами. Пока кто-то их снова не откроет.

Он осторожно коснулся ее щеки.

— Вера…

Алекс наклонился и поцеловал ее, не спеша и осторожно. Вера ответила, не думая ни о чем — ни о правилах, ни о том, как все должно быть. В полумраке, среди книг и чужих историй, рождалось что-то новое.

Когда они отстранились, Алекс не сказал ни слова. Парень просто коснулся лбом ее лба и закрыл глаза. Девушка инстинктивно сделала то же самое. Они сидели так несколько секунд, слушая тишину. Вера поняла: дверь в арке на Фонтанке вела не только в книжный магазин. И, переступив ее порог, она уже не хотела возвращаться.

— Что теперь? — тихо спросила она.

Алекс слегка улыбнулся:

— Посмотрим.

***

Вера вернулась поздно — в то время, когда общежитие уже стихло. В коридоре пахло вареной капустой, влажной одеждой и чем-то еще — чисто общажным, как решила Вера. Она попыталась осторожно закрыть за собой дверь, но замок все равно щелкнул слишком громко, нарушив тишину. Вера на секунду задержалась, прислонившись спиной к двери. Гул коридора остался снаружи, а внутри, в маленькой комнате, было тепло и тихо. Сердце все еще билось неровно — не только от быстрой ходьбы, но и от пережитого сегодня вечером.

В комнате горела настольная лампа. Настя сидела за столом, аккуратно накручивая волосы на бигуди. Света устроилась на кровати, поджав под себя ноги; в руках у нее была книга, но она уже давно не читала — взгляд ее то и дело скользил к двери. Соседки подняли головы почти одновременно.

— Ну как? — первой не выдержала Света. В голосе прозвучало живое любопытство. — Мы уж решили, что ты вообще сегодня не придешь.

— Просто задержалась, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Вера попыталась сделать безразличное лицо, то самое, которое обычно демонстрировала на семинарах у строгих преподавателей. Ей нужно было пройти к своему столу, снять куртку, выложить мобильный и плеер из сумки — проще говоря сделать вид, что ничего особенного не произошло. Но ноги будто не послушались, и ее движения вышли какими-то плавными, воздушными, будто она парила над линолеумом. А на лице сама собой нарисовалась улыбка, сдержать которую у нее не хватило никаких сил. Вера была похожа на человека, который только что узнал великий секрет мироздания и пытается скрыть, но каждый взгляд и жест безжалостно его выдавали.

Настя посмотрела на нее исподлобья.

— О-о-о, — протянула та. — Тут все ясно.

Вера вздохнула и опустилась на край своей кровати. Она поймала себя на том, что сидит слишком прямо, будто на экзамене.

— Мы немного погуляли, — сказала она. — Разговаривали. И... поцеловались.

Света сразу оживилась:

— Ого! Где это произошло? Как все было?

Вера почувствовала, как к щекам подступает тепло. В памяти снова всплыла та самая дверь с вырезанной короной, полумрак лавки, запах старой бумаги, дрожащие круги света и долгий поцелуй, выбивающий почву из-под ног.

— Мы… зашли в одно место, — робко ответила она. — Необычное.

Настя чуть прищурилась, затем аккуратно отложила бигуди и сложила руки на столе.

— В одно место, — повторила она с иронией. — В кабак, что ли? Он тебя угощал? Только не говори, что затащил в какой-нибудь подвал и поил вином из горла.

Вера резко подняла голову.

— Нет, — ответила она жестче, чем собиралась. — Мы были в старой книжной лавке. Там столько уникальных книг!

На секунду в комнате стало слишком тихо.

— В книжной? — переспросила Настя. — Серьезно?

Вера кивнула.

— И что, — продолжила та, уже с усмешкой, — прямо среди книг он тебя и поцеловал? Между Достоевским и какими-нибудь рецептами? Как в дешевом романе?

Слова задели больнее, чем Вера ожидала. Она посмотрела на Настю и вдруг ясно осознала: объяснить ей этот вечер невозможно. Для Насти жизнь всегда делилась на полезное и бесполезное, надежное и рискованное. А этот вечер не помещался ни в одну из категорий.

— Насть, — мягко вмешалась Света. В ее глазах появился теплый блеск. — Это же красиво. Тайное место, книги… Такое не каждый день бывает.

— Красиво, — фыркнула Настя. — Мы не в сказке живем, — и снова взялась за бигуди. — Ты хоть спросила, какие у него планы? Чем он вообще собирается заниматься?

— Я же говорила, — ответила Вера, сдерживая раздражение. — Он учится на политолога. Но фотографировать ему, правда, нравится больше.

Настя закатила глаза.

— Ага... Фотограф! Мечта! Ты же знаешь, что у моего Пашки уже есть договоренность на заводе: дадут работу и жилье. И ему и мне осталось всего год доучиться. Затем поженимся и переедем. А этот что тебе предложит? Прогулки по дворам и поцелуи среди пыльных книжек?

— Он вообще не такой, как все, — вспылила Вера. — Алекс видит город иначе. Показывает такие места, о которых я раньше даже не задумывалась.

— Места, — перебила Настя, и голос ее стал стальным. — Ими сыт не будешь. И любовью тоже.

Света поднялась и встала между ними, будто рефери на ринге.

— Может, это исключение. — сказала она тихо. — Некоторым людям нужно что-то не совсем практичное.

Настя резко швырнула оставшиеся бигуди на тумбочку.

— И ты туда же. Девочки, поймите, это все хорошо в книгах. А мы живем в реальности. И я просто не хочу, чтобы тебе, Вера, потом было больно.

Она встала, отряхнула халат и, громко топая тапками, вышла из комнаты, хлопнув дверью и оставив за собой шлейф раздражения.

Вера долго сидела, не двигаясь. Внутри было одновременно пусто и тесно. Она чувствовала обиду — и странную вину. Девушка знала: Настя говорит это не из злобы. Потому что все-таки они трое были не просто соседками, а уже подругами.

Света подошла и осторожно коснулась ее плеча.

— Настя переживает, — сказала она. — Просто не умеет по-другому.

Вера кивнула.

— Я знаю, — спокойно ответила она. — Поэтому и проглотила ее тираду.

Вера попыталась улыбнуться Свете в ответ, поблагодарить за поддержку, но улыбка получилась кривой и вымученной. Вера легла, отвернувшись к стене. Как бы ни старались слова Насти вернуть ее на землю, она понимала: назад уже не хочется. Даже если впереди будет боль — этот шаг она сделала сама.

И, как говорила Света, во всем этом витала романтика. Та самая, о которой Вера читала в книгах и так жаждала найти в жизни. Но Настя, хоть цинично и уродливо это выразила, тоже по-своему права. Мир Алекса волшебен, насыщен тайной, но он был непрактичен и зыбок, как мираж в пустыне. А ведь Вера жила в реальном, осязаемом мире, где нужно сдавать сессию, зарабатывать на жизнь и думать о том, что будет завтра.

Лежа ночью в кровати, зарывшись лицом в подушку, Вера смотрела в потолок. По нему проползли тени от фар проезжающих машин, и она почувствовала, как внутри нее борются два голоса, точнее две личности. Одна — та, что всего несколько часов назад гуляла по таин-

ственной книжной лавке и позволила там себя поцеловать. А еще поверила, пусть на мгновение, в настоящую сказку. И другая — практичная и разумная Вера, которая слышала в голове едкий, насмешливый голос Насти, как набат: «А этот что тебе предложит? Прогулки по дворам и поцелуи среди пыльных книжек?...»

Вера перевернулась на бок, свернувшись калачиком. «Нет, — решила она, засыпая. — Я не позволю никому отнять у меня это чувство. Ни Насте, ни голосу здравого смысла в голове. Это мое приключение. Даже если оно закончится болью, разочарованием, слезами — то того стоит». Ведь вчера, осознала она, что в той самой лавке на Фонтанке, среди тысяч чужих историй, впервые за долгое время почувствовала себя такой особенной и живой.

Назад в будущее

Я все еще сидела на холодном полу подвала в мамином доме и прижимала раскрытый дневник к груди, словно он мог от чего-то защитить.

Слова двадцатилетней давности будто прожигали сердце. Пальцы помнили шероховатость обложки, запах бумаги этого дневника. Но сквозь все это проступало нечто фантомное и упрямое — вкус глинтвейна. Он всегда был для меня про юную безрассудность.

Я читала про ту девушку, что жила в этих строчках, и в некоторых моментах еще узнавала себя. Особенно в упрямом желании верить, что чувства обязательно оправдывают любой риск. Все остальное же казалось каким-то чужим — словно я подглядывала за чьей-то жизнью. Кого-то слишком наивного и смелого.

Пальцы быстро перелистнули еще несколько страниц. Потому что внутренний голос твердил: если сейчас остановлюсь — проиграю. Бумага громко зашуршала среди бетонных стен. Почерк в дневнике вдруг изменился — стал резче, увереннее, будто слова спешили вырваться наружу и опередить здравый смысл.

Декабрь две тысячи четвертого. Я помнила его ничуть не хуже, чем роковой ноябрь. Там были крыши, дворы-колодцы, бесконечные прогулки без цели и чувство, что город принадлежит только нам. Здесь же жили истории Алекса — и его умение превращать обыденное в квест или красивую легенду. Мы много гуляли, прятались от снега в подъездах, пили горячий чай или глинтвейн из одного термоса, как на первом свидании. И, конечно, целовались. Еще делили на двоих тайны, которые, как тогда казалось, делали нас особенными. Именно в тот период я узнала о его семье — о родителях, их мире, ожиданиях и правилах. И начала делать те самые выводы, которые позже будут казаться такими очевидными.

Записи в дневнике мелькали, цеплялись друг за друга. И складывались не в линейный рассказ, а в мозаику из обрывков прогулок и кусочков города.

И вот одна из них: «Мы снова шли без маршрута. Он сказал, что так интереснее — позволять городу вести тебя, а не наоборот. И мы вышли к каналу. Сначала долго стояли в обнимку и молчали. Потом Алекс стал бросать в воду камешки и каждый раз смотрел, как расходятся круги, будто проверял, не изменился ли закон физики».

Я поморщилась. Он обожал подобные моменты — красивые, бессмысленные и затянутые. Тогда они казались чем-то глубоким и даже философским. Сейчас — лишь пустым и эффектным жестом.

Следующая запись: «Алекс привел меня во двор, где на стене кто-то нарисовал огромное крыло. Сказал, что это знак, и такие вещи не появляются просто так. Мы долго спорили, для кого оно — тех, кто еще не решился улететь, или кто уже упал».

Я усмехнулась, почти беззлобно. Он вечно искал знаки и подсказки. Тайные смыслы, будто спрятанные специально для него. А я помогала ему — потому что рядом с ним мир действительно казался чуть более волшебным, чем был на самом деле.

Еще страница: «Мы сидели в маленькой кофейне, где пахло кофе и апельсинами. Алекс говорил, что это место существует вне времени. Что сюда приходят только те, кто выпал из жизни. Я спросила: “А мы тогда кто?” Он ответил: “Пока что наблюдатели”».

Я перелистнула дальше: «Он рассказывал, как однажды уедет. Не куда-то конкретно — просто как цель. Будет бродить, перебиваясь временными подработками, но чувствовать свободу. Говорил об этом так легко, словно речь шла не о жизни как таковой, а о затянувшейся прогулке. Я спросила, а что будет со мной. Он улыбнулся и сказал: “Ты тоже можешь выбрать нечто подобное”».

Пальцы сжали край страницы. Тогда эта фраза прозвучала как приглашение. Сейчас — типичный уход от ответа.

Еще одна сцена, особенно нежная: «Мы попали под дождь со снегом. Он снял куртку и накинул мне на плечи, а сам остался в одном свитере. Смеялся и говорил, что простыть вот так — романтично. Мы бежали, промокли насквозь, потом грелись в подъезде. Алекс нарисовал пальцем что-то на запотевшем стекле и сказал, что счастье в таких коротких моментах. А потом поцеловал меня».

Я прикрыла глаза. Рядом с ним было действительно красиво. Он умел сделать так, чтобы обычный вечер ощущался как начало чего-то большего. Проблема была в том, что для него-то это и было всем. А для меня только подготовкой к чему-то. И все ждала и верила, что рано или поздно он спустится с этих облаков ко мне, на землю.

Но Алекс не был злодеем. Он не водил меня за нос и не лгал — по крайней мере, намеренно. Он просто жил вот так, будто жизнь — это длинная прогулка, где можно свернуть в любой момент не оглядываясь. Мне же слишком хотелось быть частью его маршрута, даже если он каждый раз исчезал за следующим поворотом. И именно это, кажется, моя мама и разглядела в нем с самого начала.

Я закрыла дневник резким движением. В груди поселилось тяжелое, вязкое чувство — стыд за ту наивность, с которой мы играли во взрослую жизнь, старательно упрощая все, что на самом деле было куда сложнее.

Восторг от прогулок, крыш и разговоров «по душам» постепенно сошел на нет и сменился усталостью. Я цеплялась за образ, а не за человека. И это растянулось на годы, отнимая время — то самое, о котором потом говорят: ты потратила его впустую.

Сверху донесся глухой звук — грузчики начали таскать вещи. Дом отзывался эхом, будто напоминал: настоящее здесь, оно никуда не делось. Но я все еще была не в нем. Я поднялась, стряхнула пыль с джинсов и огляделась. Помимо маминых закруток, коробки с ее вещами терпеливо ждали своей очереди. Положив дневник на полку, я открыла одну из коробок, чтобы убрать туда дедушкин чемодан. Там оказались юбки, кофты, старые фотографии и папка с документами.

И вдруг пришло воспоминание как я впервые рассказала маме про Алекса. Она в тот момент нахмурилась и выдала:

— Этот парень — красивый рассказчик, Вера. Но с такими не стоит связываться.

Настя тогда была резче, не выбирала выражений. Но суть, впрочем, совпадала. Я обиделась на обеих. Потому что они не видели того, что видела я. И мне показалось, что меня снова не понимают.

Складывая вещи обратно в коробку, я вдруг ясно поняла: мама просто пыталась уберечь. Как и Настя. Просто кое-кто был слишком занят собственной историей, чтобы это заметить.

Я прихватила дневник и поднялась по ступенькам. И решила оставить его пока на подоконнике в прихожей — так, чтобы он сразу бросался в глаза.

Наблюдая, как парни носятся с коробками, снова задумалась. Мне хотелось понять не то, кем на самом деле был Алекс, а когда я перестала быть той, кто не боится чувствовать вот так, с душой нараспашку. И почему мне до сих пор страшно вернуться в это состояние, в ту точку, где жизнь еще ощущалась на вкус. Я искоса посмотрела на старый дневник. И тут кое-что вспомнила...

Глава 3

Реальность Веры Соколовой была выстроена очень четко. Где каждая событие — то, каким ему положено быть, а любая ошибка сразу бросается в глаза, потому что за ней могла последовать расплата. И не какая-то абстрактная, а вполне конкретная и ощутимая.

К тому моменту Вера уже многое знала об Алексе. По обрывкам разговоров, случайным фразам, а иногда — при удачном стечении обстоятельств — по длинным монологам, которые он позволял себе ближе к вечеру. Алекс не скрывал кто его отец, кем работает мать, где он вырос и какие ожидания на него навесили еще до того, как тот научился им сопротивляться. Вера всегда внимательно слушала. И невольно примеряла все это к себе, как чужую куртку: настороженно и с пониманием, что она может оказаться не по размеру.

После того как отец Веры ушел из семьи — вернее сказать исчез, будто вышел за хлебом и не вернулся, — мама осталась для нее единственной опорой. Но слишком рано стало понятно, что эта «конструкция» ненадежная. Потому что если у балки, на которой держится шатер, вовремя не натянуть растяжки, то ветер просто разорвет ткань.

Квартира на окраине Питера была одновременно и крепостью, и окопом. Район, где у подъезда курили, выпивали и громко смеялись, а по утрам пахло хлебом и затхлостью, научил Веру главному: безопасность — вещь хрупкая. Каждый рубль имел вес, а любой шаг — свою цену. Поступление в университет и получение корочки значило слишком многое, особенно как возможность однажды выбраться отсюда и не вернуться.

И именно поэтому, слушая рассказы Алекса о доме в центре, долгих разговорах за столом, профессорах, выставках и маленькой драме внутри семьи, Вера делала свои выводы. Она понимала: его так называемая «свобода» выросла из сопротивления. А бунт — это роскошь, которую можно себе позволить, когда за спиной есть прочные стены.

Ее же стабильность была не выбором, а необходимостью. За нее Вера держалась как за спасительную соломинку. Потому что слишком рано узнала: под ногами может не оказаться дна. И если убрать опору, то падать придется долго, а выбраться — не факт, что получится.

Реальность Алекса Никитина же была устроена иначе. Он вырос в профессорской семье — в квартире с видом на Летний сад и Михайловский замок. Со стороны это выглядело красивой картинкой. Но внутри шла своя изощренная война.

Отец, известный политолог, видел в сыне продолжателя дела — будущего наследника его идей. Мать, искусствовед, жила среди вернисажей и разговоров о прекрасном, где и жизнь семьи должна была выглядеть как удачная экспозиция.

И Алекс в нее не вписывался. Его джинсы, куртки, уличная фотография и тяга к заброшенным местам и «особому» свету казались родителям черным пятном на безупречном полотне их биографий.

Фотография стала его убежищем и способом почувствовать себя живым. Камера позволяла смотреть на мир так, как он чувствовал. Заброшенные дома, облупленные фасады, рассветные тени — в этом он видел правду и свободу.

Оказалось, что у него бунт был не только с родителями, но и с Верой. Все началось с его исчезновений. Не с каких-то коротких, когда он пропадал на полдня, а с таких, когда не выходил на связь двое или трое суток. И возвращался выжатым и усталым, пропахшим дымом сигарет и кофе. Но глаза при этом горели.

Алекс говорил об «уникальном свете в полпятого утра», о домах, которые снесут завтра, о последнем шансе успеть. Вера понимала его умом — снимки действительно были сильными. Но сердцем не принимала одного: почему каждый раз она оставалась за бортом?

В один декабрьский воскресный вечер они договорились встретиться и посмотреть артхаусный фильм, о котором Алекс говорил всю неделю. Вера отложила проверку тетрадей, зашла в

«Кофе и книги» и купила круассаны и пирожные — почти праздничную роскошь. Хотела сделать небольшой романтичный сюрприз, поскольку Алекс любил подобные мелочи. Она пришла заранее и ждала в фойе кинотеатра. Сначала час. Потом второй. Девушка писала ему сообщения, звонила, проверяла телефон каждые несколько минут. В какой-то момент к ней подошел менеджер и осторожно спросил, все ли в порядке. Вера улыбнулась и солгала. Потом, когда стало окончательно ясно, что ждать больше бессмысленно, она поехала в общежитие. Радовалась только одному — что Настя и Света разъехались и не придется объяснять, почему вечер снова пошел не так.

К десяти он, наконец, позвонил. Его голос был возбужденным, радостным — будто ничего странного не произошло.

— Вера, ты не представляешь! — заговорил он, не переводя дыхания. — Я нашел ее. Башню на Обводном. Охранник был в дупель пьян, пустил меня наверх, и там был такой свет! Я отснял всю пленку. Кадры будут потрясающие!

Он говорил быстро, взахлеб, словно боялся, что его прервут. А Вера смотрела на зачерствевшие круассаны и чувствовала, как внутри медленно закипает злость.

— Ты мог предупредить, — спокойно сказала она. — Я ждала тебя два часа в кинотеатре. Писала. Звонила. Потом не выдержала и уехала.

Он отмахнулся, все еще находясь в плену своего восторга.

— Да ладно. Фильм никуда не денется. А свет… он был только сегодня. Ты же понимаешь?

Эта фраза стала последней каплей.

— Нет, — голос Веры сорвался. — Я не понимаю, почему твой свет важнее моего времени. Мне не нужны какие-то отчеты. Прошу простого — написать, позвонить. Сказать: «я задерживаюсь» или «извини, не получится».

— Ты все-таки ждешь, чтобы я отчитывался, — холодно произнес Алекс. Эта тема была для него самой болезненной. — Как перед матерью или отцом? Я думал, ты другая. А ты хочешь, чтобы я стал удобным.

— Не собираюсь я тебя переделывать, — почти выкрикнула Вера. — Мне важно быть частью твоей жизни, а не зрителем! Ты делишься успехами, но не пускаешь меня в свои приключения. Почему?

Он молчал. В этой паузе Вера была уверена сталкивались гордость и сомнение. И первая, кажется, победила.

— Это личное, — ответил он глухо. — Единственное, что по-настоящему мое.

— А я? — возразила она. — Или просто еще одна красивая развалина, на которую ты смотришь издалека, чтобы не испортить кадр?

Он не ответил. Выдержал долгую тяжелую паузу — и резко оборвал звонок.

Вера осталась одна в звенящей тишине, с ощущением, что что-то хрупкое только что разрушилось — и непонятно, можно ли это склеить. Внутри было пусто. Злость медленно уступала место стыду, обиде и странному чувству вины — будто она попросила слишком многого.

В тот вечер она долго не ложилась спать. Вера сидела на кровати, глядя в темноту, и пыталась понять, где именно они разошлись. В словах? В ожиданиях? Или гораздо раньше — в самих представлениях о том, что такое «быть вместе»? Ей хотелось верить, что это всего лишь ссора. Но что-то подсказывало: трещина появилась не сегодня. Просто сейчас стала заметной.

Повсюду доносились звуки общежития: хлопанье дверей, чей-то смех, ругань в коридоре. Все это казалось таким громким и неуместным, будто ее собственная история внезапно выпала из общего шума и осталась в вакууме.

Мысли метались. Слова, которые она так и не сказала Алексу, застряли в голове. А ей дико хотелось, чтобы он все-таки понял все сам. Плакать не получалось. Вместо слез в груди поселилась тянущая боль, от которой не получалось избавиться.

И тогда Вера ясно поняла: если она сейчас ничего не сделает, все начнет стираться. А эта ссора перепишет все, что было до нее, либо превратит прошедший месяц в размытое воспоминание. И уже без острых углов и неудобных моментов.

Она достала из стола школьную тетрадь на пружине. Бежевую, с веточкой на обложке. Долго смотрела на чистую первую страницу, не решаясь что-то написать. Но потом все же вывела дату — и начала с самого начала. Точнее, с того дня, когда они познакомились. С той первой прогулки, с лавочки и глинтвейна. А потом рассказом о свидании в книжной лавке его дяди и первом поцелуе. Еще о тех дворах, крышах и разговорах, которые казались важнее сна. И продолжила тем, как Вера постепенно втягивалась в ритм Алекса и училась ждать, объясняя себе, что это романтика.

Она писала не все подряд, но и не выбирала только хорошее. Записывала то, что цепляло, тревожило, радовало. Места, паузы, его привычку исчезать и возвращаться, свои попытки не придавать этому значения. Все, что вело к этому вечеру — словно прокладывала обратный маршрут, надеясь понять, где именно свернула не туда.

Этот дневник, как Вера его сразу для себя назвала, стал способом удержать реальность — пока та окончательно не рассыпалась. Здесь не нужно быть терпеливой, понимающей или правильной, а можно просто оставаться честной — хотя бы с самой собой.

Вера иногда писала в блог на ЖЖ — коротко, иронично, сглаживая углы, оставляя за кадром то, что не вписывалось в формат и ожидания окружающих. Но эта тетрадь стала другим пространством. Сюда она решила записывать очень личное. То, что происходило с ней и с Алексом на самом деле: не для читателей или красивых абзацев, а для памяти. Что явно не предназначалось чужим глазам и комментариям.

***

Первые три дня Вера просто не подходила к телефону. Смотрела, как экран вспыхивает его именем, вибрирует на деревянной столешнице, как пойманная в ловушку птица, и гаснет, оставляя после себя лишь неприятное ощущение в груди. Она ловила себя на том, что вечерами могла подолгу стоять у окна, присматриваясь к прохожим, в надежде увидеть среди них Алекса. А Настя и Света лишь молча и удрученно поглядывали на соседку.

Вечером на четвертый день после их ссоры он снова позвонил. В этот момент Вера штудировала конспект перед завтрашним семинаром. Она нехотя взяла телефон, повертела его в руке и почему-то решила ответить.

— Выйди, пожалуйста. Я у входа, — голос у него был севший и без капли его обычной заносчивости и экспрессии.

— Ладно, — слишком быстро и спокойно проговорила она.

Вера набросила то самое бежевое пальто прямо на пижаму, не глядя в зеркало — было все равно, как она выглядит. Потому что внутри горело желание покончить с этой неопределенностью.

Небо над Васильевским окрасилось в грязный пурпур, а по стеклам поползла липкая изморозь. Алекс стоял у подъезда, прислонившись спиной к двери. В руках держал какой-то пакет с едой.

— Это что, подкуп? — догадалась она и остановилась в паре шагов от Алекса.

Холодный ветер мгновенно забрался под полы пальто. Девушка сразу поежилась. Алекс поднял пакет, словно гирю.

— Акт капитуляции, — ответил он, чуть ухмыльнувшись. — Если уж извиняться, то так, чтобы ты не смогла сразу захлопнуть дверь перед моим носом.

— Ладно. Пойдем внутрь, — скомандовала она.

Они поднялись в общую кухню на этаже, которая почему-то пустовала. Парень начал выкладывать подарки на клеенку стола: десять штук любимых сырков Веры «Чудо» с разными

начинками, экзотическую маракуйю, папайю и три большие банки кофе Tchibo. Вера заметила как аккуратно он выкладывал на стол каждую вещь. Закончив, Алекс произнес:

— Я был козлом, знаю. Прости. Когда зацикливаюсь на фото, то забываю, что мир вокруг — не декорация.

Он замялся, но потом запустил руку во внутренний карман куртки и вытащил конверт.

— Держи. Проявил сегодня утром. Надеюсь тебе понравится.

Вера взяла его и распечатала. Сердце екнуло. На снимке была она сама. Черно-белый кадр, чуть зернистый. Вера сидела на подоконнике, подтянув колени к подбородку, и смотрела в окно. Свет падал так, что лицо оставалось в глубокой тени на уровне плеч. А в том, как пальцы сжимали чашку, читались и сосредоточенность, и любопытство. Вера провела пальцем по глянцевой бумаге. Ей польстило, что он увидел ее именно так.

— Помнишь, как я снял это две недели назад? — тихо спросил он, не сводя с нее глаз. — Хранил на особый случай. Кажется, он настал раньше, чем я думал.

Она посмотрела в его серые глаза. Обида еще копошилась где-то внутри, но тепло руки Алекса, которая осторожно накрыла ее ладонь на столе, сумело окончательно ее унять. Тогда Вера сдалась и искренне улыбнулась.

— Спасибо за фотографию. Хорошо получилось.

Они решили заварить купленный Алексом кофе и съесть те сырки с маракуйей. Именно эта обстановка больше всего подходила для внезапно вернувшихся чувств. Пока пили кофе и разговаривали о случившемся между ними — его нога под столом уверенно прижалась к ее. Вера сделала вывод, что они оба готовы стараться. Он — быть чуть внимательнее к реальности, а она — терпимее к его творческому безумию.

***

Новый год начался на одной из крыш над двором-колодцем. Алекс притащил туда маленькую елочку в горшке, термос с глинтвейном и настоящие стеклянные бокалы. Оба замерзли до костей, но были абсолютно счастливы под старым колючим одеялом, глядя, как над Петербургом расцветают салюты.

— А теперь — на тусовку, — сказал Алекс, когда часы на Петропавловке отбили двенадцать. — Ребята уже заждались.

Спустя полчаса они с Верой оказались в огромной коммуналке на Фонтанке, переделанной под фотолабораторию и жилье одновременно. Едва они переступили порог — их обдал запах проявителя, сигарет и алкоголя.

В центре комнаты, под тусклой лампой без абажура, стоял парень со взлохмаченной бородой и увлеченно спорил с девушкой, чье лицо было наполовину скрыто огромными очками.

— Твой «Никон» врет в тенях! — кричал он, размахивая бокалом шампанского. — Только «Лейка» дает эту зернистость, понимаешь ты, дура?

— Это вопрос оптики, а не бренда, Игорь! — парировала она, даже не обернувшись на нас.

Алекс подтолкнул Веру вглубь комнаты. Здесь все было завалено рулонами пленки, какими-то странными объективами и черно-белыми снимками, сохнущими прямо на бельевых веревках.

— Знакомьтесь, это Вера, — громко объявил Алекс.

Музыка почти сразу смолкла. На нее уставилось с десяток глаз — цепких, оценивающих, будто она была не обычным человеком, а новой моделью штатива.

— О, эта та самая с подоконника? — протянул худощавый мужчина в бархатном пиджаке. — Алекс проел нам плешь твоим идеальным профилем. Говорил, что у тебя «лицо эпохи застоя».

— Скорее лицо усталости от его выходок, — поправила Вера, пытаясь скрыть неловкость и одновременно пошутить.

Компания оказалась странной. Кто-то обсуждал композицию Родченко, кто-то ныл в углу из-за засвеченной пленки. А какая-то девица с коротким ежиком волос подошла к Вере и, не поздоровавшись, спросила:

— А ты куришь «Беломор»? Мне для кадра нужен именно этот дым, он ложится фактурно.

Она покачала головой.

Алекс смеялся, обнимал друзей, переходил на их странный жаргон о «стопах», «выдержке» и «боке». Вера смотрела на него и не узнавала. Здесь он был центром этой странной вселенной. А она всего лишь его объектом на фото.

***

На новогодних праздниках случились визиты к родителям. Сначала Вера повела его к маме. Хрущевка на окраине Питера встретила запахом домашних пирогов и тем особым уютом и простотой, который ни с чем не спутаешь. Мама Веры была предельно вежливой, но с ноткой настороженности. И первое время смотрела на Алекса так, будто он был подозрительным экспонатом. Однако тот почти сразу включил режим «идеального кавалера».

— Галина Николаевна, я слышал, вы большая поклонница Бродского? — начал он, едва они сели за стол.

Женщина вскинула брови:

— Интересуетесь? Или подготовились, чтобы произвести впечатление?

— Читаю. Хотя «Остановку в пустыне» понимаю до сих пор не до конца, — честно признался он, принимая из ее рук тарелку с оливье.

Это была победа. К середине ужина он уже помогал ей переставлять тяжелую супницу и с таким аппетитом уплетал селедку под шубой, словно ел деликатес.

— Ешь-ешь, Саша, совсем тебя в этих фотоподвалах заморили, — уже вовсю хлопотала Галина Николаевна.

Когда они уходили, она вложила ему в руки сверток с печеньем и шепнула дочери в коридоре:

— Он, в целом, хороший парень, Верочка. И умный. Только смотри... Он ведь из другого теста. Не обожгись.

А через два дня Вера с Алексом уже сидели в квартире его родителей. В помещении не было так уютно и не пахло никакими пирогами. Зато стоял запах, который невозможно спутать ни с чем — смесь табака, цветочных тяжелых духов, старой бумаги и свежесваренного очень хорошего кофе.

Его отец, сухой подтянутый мужчина в деловом костюме, во время обеда иногда с прищуром разглядывал Веру сквозь тонкие стекла очков. А мать, изящная и миниатюрная женщина в шелковом платье, вплетала в разговор имена постимпрессионистов так легко, будто это были ее соседи по даче.

— И каков ваш круг интересов в литературе, Вера? — спрашивал отец, размешивая сахар серебряной ложечкой в фарфоровой чашке.

— Какие течения кажутся вам жизнеспособными в наших реалиях? — добавила его мать.

Вера почувствовала себя как на пересдаче зачета или экзамена, когда в голове внезапно стало пусто.

— Она больше любит практику, чем теорию, мам, — попытался вставить Алекс, но здесь его голос звучал тише, чем в той квартире на Фонтанке.

— Практика без базы — это ремесленничество, Саша, — отрезала женщина. — Тебе об этом тоже известно. А девушка должна понимать контекст, в котором существует.

Атмосфера за столом становилась удушающей. Вера уже видела, как его отец готовит следующий каверзный вопрос, но Алекс резко поставил чашку на блюдце со смачным звоном.

— Знаете, что, — громко сказал он, взяв Вера за руку и посмотрев на родителей. — Вера вообще-то пишет. И так, что у меня мурашки по коже! У нее получается честнее, чем у многих ваших знакомых «мэтров». И мне абсолютно все равно, разбирается она в биографии Модильяни или нет.

В столовой повисла такая тишина, что было слышно, как тикают напольные часы. Отец Алекса долго, не мигая, смотрел на сцепленные руки ребят. Вера ждала очевидного скандала. Но мужчина вдруг едва заметно кивнул.

— Сильная позиция, сын. По крайней мере, ты научился аргументировать, — в его голосе прорезалось что-то похожее на уважение.

Они уходили от его родителей почти бегом. Ночной город обдал морозным воздухом. Алекс практически не выпускал ладонь Веры.

— Ты это серьезно? — спросила она, когда они оказались на набережной. — Насчет того, что я пишу?

Он остановился под светом фонаря. Снежинки падали ему на ресницы.

— Абсолютно. Я нашел твой блог на ЖЖ и почитал немного. Вера, это.... Там в каждой строчке правда. А моим друзьям и родителям только ее и не хватает.

В тот момент Вера почувствовала ту самую опору, которую так долго искала. Пусть неровную, с трещинами, но зато вполне осязаемую. Они вместе с Алексом прошли испытание и выдержали столкновение их миров. Казалось, теперь им все по плечу. И в ту ночь они ощущали себя королями этого заснеженного города.

Глава 4

После очередной вечерней прогулки Вера с Алексом нырнули в лавку на Фонтанке, спасаясь от промозглой февральской слякоти в Петербурге. Когда тяжелая дубовая дверь закрылась, отсекая хриплый шум города и завывание ветра, привычная магия этого места вдруг изменилась.

Алекс прошел в дальний угол и разжег камин. Дымоход поначалу сопротивлялся, выталкивая в комнату горьковатый сизый дым, но вскоре поленья сдались. Неровное тепло огня создало хрупкий освещенный круг. Они устроились прямо на полу среди стопок пожелтевших журналов «Нива». Налитое вино в стаканах будто стало черным. Вера видела, как в зрачках Алекса отражались языки пламени.

Разговор почему-то не клеился. Наверное, потому что оба знали, зачем сюда пришли.

— Холодно? — его вопрос прозвучал едва слышно, разбивая тишину.

— Немного, — ответила она, и голос вышел сиплым.

Он пересел ближе, загораживая ее спиной от сквозняков, гуляющих между полками. Когда его пальцы случайно скользнули по коже под свитером, Вера вздрогнула. У нее внутри все завязалось в тугой узел: ожидание, первобытный страх и нарастающее, пугающее желание. Алекс коснулся ее губ своими.

Поцелуй был другим. В нем не осталось прежней осторожности или нежности. Он был глубоким, настойчивым, страстным. Руки Алекса медленно, давая Вере каждую секунду шанс передумать, скользнули под ткань. Их движение оставляло на коже невидимые горящие следы.

Когда он расстегнул бюстгальтер, Вера услышала, как Алекс рвано глотнул воздух. Он стащил с Веры свитер, а затем и лифчик. Во взгляде Алекса, мечущемся между ее глазами и грудью, отразилось восхищение и вожделение, отчего у Веры перехватило дыхание.

Его пальцы очертили хрупкие ключицы, спустились к ребрам, замирая на каждом изгибе. Вера чувствовала себя редким фолиантом, который он читал подобным образом, запоминая каждую строчку. Когда его ладони стали ласкать ее грудь, Вера прикрыла глаза. Тело предало разум, отзываясь на прикосновения тягучей пульсацией в самом низу.

Неловкость лишь подчеркивала реальность происходящего. Застежка ее джинсов заела, и Вера нервно рассмеялась. Собственный смех показался ей слишком громким в этом царстве книг. Алекс тихо выругался из-за нетерпения. Когда молния, наконец, поддалась, они оба синхронно выдохнули.

Оставшись совсем без одежды, Вера инстинктивно попыталась прикрыться и сжаться, но он мягко перехватил ее запястья.

— Не надо.

В его глазах читалась сильная страсть. Но это почему-то успокоило Веру. Когда пальцы Алекса коснулись самой нежной части ее тела, она невольно напряглась. Он мгновенно замер.

— Боишься?

— Да, — честно призналась она, глядя в потолок, где плясали тени.

— Я тоже.

Эта короткая фраза сделала их еще ближе. Его движения стали осторожными, едва осязаемыми. Он не торопил Веру, позволяя привыкнуть к новой и непонятной волне удовольствия и к тому, как ярко может реагировать тело.

Когда он разделся, Вера ощутила укол смущения. Она впервые видела нагого парня так близко. К тому же золото камина выгодно подсвечивало весь рельеф мышц рук и груди. Алекс коснулся ее подбородка, заставляя посмотреть в глаза.

— Это просто я.

Она молча кивнула. Сердце Веры колотилось в горле. Парень достал презерватив — этот жест в полумраке старой лавки показался ей высшим проявлением заботы. Затем Алекс аккуратно уложил Веру на пол и навис над ней.

— Твой первый раз? — прошептал он ей в самые губы.

Она зажмурилась и едва заметно кивнула.

Проникновение было медленным и очень осторожным. Вера почувствовала, как ее тело там внизу сопротивляется, растягивается и постепенно уступает натиску его плоти.

— Дыши...

Вера сделала глубокий вдох, вдыхая запах его кожи и дыма от камина. Когда Алекс вошел полностью, она почувствовала внизу резкую боль. Они оба замерли, прижавшись друг к другу.

— Потерпи немного... скоро пройдет, — успокоил он ее, целуя в губы.

Постепенно боль утихла, и страх Веры отступил. Она немного расслабилась, и тогда Алекс с особой осторожностью начал двигаться. Но вскоре это переросло в уверенный ритм. А неприятные ощущения у Веры растворились в нарастающем внутри тепле, которое волнами поднималось от живота к горлу. Тело Веры начало инстинктивно подстраиваться под движения Алекса. Весь огромный Петербург с его каналами и мостами исчез — остался лишь этот пятачок на полу, жар камина и их сбивчивое дыхание.

Когда внутри Веры впервые взорвалась яркая искра удовольствия, она ахнула, впиваясь пальцами в его плечи. Алекс уловил эту перемену и сразу ускорился, ведя Веру за собой. Напряжение скручивалось в тугую спираль, пока мир не рассыпался на тысячи ярких бликов.

Пик наслаждения накрыл ее внезапно — тело выгнулось, а дыхание сбилось. Алекс сделал несколько быстрых движений, а потом резко прижался к ней и застонал от удовольствия. А после — плюхнулся рядом на пол, прерывисто дыша.

Из объятий сладкой неги они вернулись в реальность под тихий треск прогоревших поленьев.

Вера и Алекс лежали в обнимку, ожидая, когда утихомириться пульс. В воздухе стоял густой аромат: вина, золы и тот особый мускусный запах близости, который теперь стал их общим секретом.

— Все хорошо? — спросил он, бережно убирая прилипшую прядь волос с ее лба.

Вера посмотрела на него. Он выглядел растрепанным, серьезным и неожиданно беззащитным. Вся его напускная броня осыпалась здесь, среди книг. Вера провела кончиками пальцев по его щеке, чувствуя едва заметную щетину. Вместо ответа она просто улыбнулась. Алекс, облегченно выдохнув, притянул ее к себе, укрывая колючим шерстяным пледом.

— Я люблю тебя, — прошептала Вера, прижимаясь к нему.

— И я тебя, — услышала она обоюдное признание, погружаясь в сон.

Наутро ее разбудил шорох. Алекс одевался в холодном утреннем свете, пробивавшемся сквозь пыльные окна. На его лопатках алели тонкие царапины. Вера густо покраснела, не помня, когда успела их оставить. Он поймал ее взгляд в отражении старого зеркала и мягко улыбнулся.

— Ничего, заживет. Доброе утро, воин.

Пока он кипятил воду на старой горелке, Вера смотрела на его спину и думала, что настоящая близость не выглядит так, как в кино. Но в этой неловкости и искренности было больше правды, чем во всех романах, стоявших на полках вокруг них.

***

Все чаще Вера оставалась у Алекса на ночевки, особенно когда его родители уезжали по своим бесконечным делам — конференциям, выставкам или каким-то научным встречам. Поначалу сама мысль о том, чтобы ночевать в их квартире, казалась ей странной и немного тревожной. Слишком много там было чужого — в мебели, картинах на стенах и книгах. Но со временем это ощущение постепенно притупилось. Квартира перестала казаться чужой сценой,

на которой ей приходится играть не свою роль. И Вера уже спокойно могла пройтись босиком по холодному паркету на кухню, не чувствуя неловкости, открыть шкаф и достать чашку, которую обычно брала для утреннего чая. Даже запах этого дома — смесь кофе, старой бумаги и дорогого парфюма, оставшегося от матери Алекса, — стал привычным.

К тому же и сами его родители изменились. При редких встречах они больше не пытались задавать Вере вопросы о семье, учебе и планах. Мать Алекса теперь ограничивалась коротким вежливым приветствием и нейтральной улыбкой, а его отец, если и вступал в разговор, говорил сухо и быстро переводил тему. Вера не знала, было ли это признаком принятия или просто равнодушия, но напряжение, которое раньше витало между ними четырьмя, заметно ослабло.

Когда же родители уезжали, квартира будто меняла характер. Она становилась тише, мягче, лишенной той строгости, которая ощущалась в присутствии хозяев. Вечерами они с Алексом включали тихую музыку, иногда покупали бутылку недорогого вина или варили кофе почти в полночь. Они могли часами разговаривать, лежа на полу среди разбросанных книг и фотографий, или просто молчать рядом, каждый думая о своем.

Почти всегда такие ночи заканчивались близостью. Уже без прежней неловкости и тревоги, сопровождавшей первые попытки. Теперь все происходило естественно, будто их тела сами знали, как найти друг друга. Вера постепенно перестала стесняться своих желаний — наоборот, она с удивлением обнаружила, что может первой тянуться к Алексу: обнимать его, целовать или прямо намекать на то, чтобы заняться любовью.

Но больше всего ей нравились не сами моменты их страсти, а то, что было после. Как они засыпали рядом, переплетясь руками и ногами или как утром она просыпалась раньше него и некоторое время просто лежала, слушая его дыхание. В такие минуты мир неожиданно становился простым и понятным.

Весна в Центральном районе Петербурга всегда казалась Вере чем-то зыбким и неуловимым, как изображение на старой кинопленке. Погода в этот период как будто пробовала город на прочность: то внезапным солнечным утром, то порывистым ветром с дождем, а иногда — полным штилем и пасмурными днями.

В одно весеннее утро квартира Алекса была залита необычным светом — мягким и густым, цвета красного золота. Солнце, пробиваясь сквозь плотные облака над городом, создало такой редкий, почти что киноэффект. Лучи падали под острым углом, и вся комната выглядела как декорация к какому-нибудь фильму.

Вера стояла у окна, завернувшись в свитер, и наблюдала, как в воздухе медленно кружатся пылинки, попадая в золотистые полоски света. Они двигались лениво, почти невесомо. В подобные мгновения девушка чувствовала странное спокойствие — когда не хотелось ни думать о будущем, ни вспоминать о прошлом.

Алекс намеревался с одним из своих друзей сфотографировать красивое природное явление. Он аккуратно укладывал объективы, фотоаппарат и штативы. Алекс двигался по комнате быстрыми, немного нервными шагами, собирая свою аппаратуру. И скрупулезно проверял каждый элемент, будто готовился к чему-то гораздо более важному, чем обычная съемка.

Вера наблюдала за ним с едва заметной улыбкой. В такие моменты он выглядел совсем другим человеком — не беспечным парнем, что ночами мог смеяться и говорить глупости, а тем, кто вдруг нашел в мире нечто важное и боялся это упустить.

Сборы прервал звонок мобильного. Резкий звук заставил Веру вздрогнуть. Алекс прижал трубку к уху, продолжая свободной рукой поправлять ремень фотосумки.

— Да, пап? — бросил он буднично.

Вера видела, как замерли его пальцы и медленно сползла с лица привычная маска сосредоточенности. Голос отца в трубке Вера слышала даже на расстоянии пары метров. Мама Алекса. Авария. Больница. Перелом ребер и сотрясение. Слово «реанимация» не прозвучало, но оно незримо повисло в воздухе, отравляя этот прекрасный солнечный свет в комнате.

— Я понял. Сейчас приеду, — коротко бросил Алекс и закончил разговор.

Вера почувствовала, как подкрался холодный липкий страх. Она подошла к Алексу, коснулась его плеча — оно было напряженным.

— Саша, — мягко окликнула она. — Давай я соберу вещи. Поеду с тобой.

Тот не ответил. Он посмотрел в окно, туда, где на набережной уже начинали раскачиваться деревья, подставляя молодые, едва проклюнувшиеся листья первому теплому ветру. Взгляд Алекса метался между дверью, где стояли его сумки, и небом.

— Подожди, — он поднял руку, останавливая Веру, словно она была случайным прохожим, мешающим кадру. — Мне нужно... минуту.

Он ушел в спальню. Она слышала его голос — сухой, деловой. Парень позвонил еще раз отцу. Говорил, что «разберется с делами» и «будет позже». А потом последовал второй звонок.

— Серж, ты видишь этот свет? Это же один шанс на миллион. Поехали, — в голосе Алекса появилось лихорадочное возбуждение. — Да, я знаю про мать. Тебе тетя Лена сказала? Отец там. Мы же на час, Серж. Максимум два. Такое нельзя упускать, ты же понимаешь... Искусство не ждет момента, когда нам будет удобно... Ну все, договорились! Ага, давай.

Вера стояла в коридоре, прислонившись к холодной стене. Ей казалось, что она смотрит в замедленной съемке, как рушится здание, в котором жила последние полгода. Каждый кирпичик — их прогулки, страсть, его обещания и любовь — все превратилось в груду мусора.

Когда Алекс вышел с рюкзаком за спиной, его глаза горели тем самым нездоровым фанатизмом, который Вера раньше принимала за гениальность.

— Ты поезжай домой, — сказал он, даже не глядя на нее, проверяя замок на сумке. — Мне нужно сделать кадры. Я быстро. А потом сразу в больницу. Отец все равно пока в коридоре сидит, к ней не пускают.

— Что... что ты сейчас сказал?! — Вера почувствовала, как горло перехватывает спазм, а сердце резко заколотилось. — Она могла погибнуть или может умереть прямо сейчас! А ты говоришь о «кадрах»?! О свете на набережной?!

— Опять ты за свое, — он резко повернулся к ней, и в его взгляде считывалось раздражение. — Этот свет не повторится. Облака уйдут, ветер стихнет, и все — обычный серый день. А я может быть сегодня смогу сделать работу всей жизни! Ей нужны врачи, Вера! Что я сейчас сделаю? Буду держать ее за руку и мешать персоналу? В конце концов приеду, но позже!

— Позже? — она почти закричала, и этот крик, хриплый и визгливый, напугал ее саму. — Выбираешь между куском пленки и самым дорогим человеком?! Да ты просто трус, который прячется за объективом от реальности! Тебе страшно ехать в больницу и видеть ее слабой, поэтому выдумываешь себе оправдание в виде «искусства»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.